

К.А.Поташова

ТВОРЧЕСТВО М.Ю.ЛЕРМОНТОВА В ВОСПРИЯТИИ Н.А.НЕКРАСОВА

В настоящее время личность и творческое наследие Н.А.Некрасова оказывается на периферии литературоведения, его поэзия, ассоциируется с выражением революционно-демократических настроений, самого поэта часто воспринимают как публициста, посвятившего себя разоблачению общественных пороков и созданию социальных лозунгов. Между тем упущенными оказываются некрасовские темы покаяния, подвижничества, осмысление им места человека в мире, размышления о духовных стремлениях личности. Расширение и углубление подходов к изучению поэзии Некрасова представляется в открытии новых литературных граней, в изучении творческого диалога, раскрывающего духовно-нравственные основы творчества поэта. Именно в такой плоскости лежит интерес Некрасова к творчеству М.Ю.Лермонтова. Миропонимание Некрасова, также как и Лермонтова, определяется неудовлетворенностью действительностью, их привлекает образ непонятого и отвергнутого обществом человека, поэтов объединяет ощущение трагизма личности и поиски выхода из этого состояния.

Ключевые слова: Н.А.Некрасов, М.Ю.Лермонтов, диалог, природа, горы, небо

Стремясь определить место Н.А.Некрасова в историко-литературном процессе, критики не раз соотносили его имя с М.Ю.Лермонтовым, то сближая, то противопоставляя их. В «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевский писал: «Некрасов в ряду поэтов (то есть приходивших с «новым словом») должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Когда я вслух выразил эту мысль, то произошёл маленький эпизод: один голос из толпы выкрикнул, что Некрасов был выше Пушкина и Лермонтова, и что те были всего только «байронисты»» [1, с. 112-113]. Включая Лермонтова в ряд крупнейших поэтов (вместе с Пушкиным, Жуковским, Крыловым и Кольцовым) и называя его «светилом русской поэзии» [2, т. XI, кн. 2, с. 44], сам Некрасов указывает, что «сильного деятеля-поэта, равного Пушкину или Лермонтову, наша литература теперь не имеет; но такие явления, как Пушкин и Лермонтов, всегда были и будут в мире поэзии явлениями редкими, исключительными» [2, т. XI, кн. 2., с. 44].

Некрасов по отношению к Лермонтову выступает не только продолжателем поэтической традиции, но и читателем, с поэзией которого знакомится также, как и современный читатель. В обращениях к поэзии Лермонтова Некрасову присуща особая интонация, точную характеристику которой дала А.И.Журавлева — «сохраняющаяся дистанция между <...> текущей литературой и той классической, которая при всем блеске и недостижимом совершенстве отделена непроходимым рубежом времени» [3, с. 148]. Для Некрасова поэтическое творчество Лермонтова стало эталоном стиля и ритма, выразителем истинных устоев и ценностей. Не случайно в критической мысли Некрасова талант современных литераторов измеряется сопоставлением с поэтическим мастерством Лермонтова, а произведения поэта, наряду с пушкинскими и гоголевскими, выступают мерилем литературной самобытности, истинно художественных ценностей. Так, размышляя в статье «Русские второстепенные поэты» (1850) о поэзии Ф.И.Тютчева, Некрасов отмечает: «Только талантам сильным и самобытным дано затрагивать такие струны в человеческом сердце, вот почему мы несколько не задумывались бы поставить г. Федора Тютчева рядом с Лермонтовым» [2, т. XI, кн. 2, с. 48].

В 1851 г. в рецензии на литературный сборник «Раут» Некрасов напечатал поэму Лермонтова «Моряк» (1832) и отметил ее превосходную концовку. «Эти превосходные стихи» [2, т. XI, кн. 2, с. 69], в которых выражается центральный мотив поэмы, Некрасов выделяет курсивом, ему оказываются близкими размышления о внутреннем родстве человека и волны, являющей собой воплощение свободы и абсолютной самодостаточности:

Как я в душе любил всегда
Их бесконечные походы
<...>
Их раззолоченные гривы,
И бездны бесконечный шум,
И эту жизнь без дел и дум,
Без родины и без могилы,
Без наслажденья и без мук [4, т. III, с. 152]

Символический образ волны, знаковый для Лермонтова-романтика, нередко возникал и у Некрасова — внутреннее родство души человека и волны в его поэзии так же, как и у Лермонтова, определяется таинственностью и глубиной, изменчивостью и краткостью существования, что точно выражается в его стихотворении «К *» («Давно отвергнутый тобою...», 1855):

Я шел по этим берегам
И, полон думой роковой,
Многвенно кинулся к волнам;

Они приветливо яснили...
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил! [2, т. XI, с. 145]

Близкой Некрасову оказывается «антиномия романтической эстетики» [5, с. 77] стихотворения Лермонтова «Парус» — парус, буря, покой. В письме к И.С.Тургеневу (15—17 июня 1856 г.) поэт, выражая свои переживания о предстоящем отъезде Тургенева во Францию, цитирует третий катрен «Паруса» (со слов «Под ним струя светлей лазури») и подытоживает строки словами: «Мало, что ли, тебя поломало? И каково будет уезжать? Ничего не смею говорить, потому что сам бы на твоём месте поехал» [2, т. XIV, кн. 2, с. 18]. Некрасов точно улавливает сущность лермонтовского образа: в стихотворении Лермонтова парус выражает суть души самого поэта, в размышлениях Некрасова — духовно-душевные метания Тургенева, беспокойство в сочетании с высокой гармонией. Вспоминая в рецензии на сборник «Раут» «лучшие стихотворения поэта» [2, т. XIV, кн. 2, с. 69], Некрасов, вероятно, и имеет в виду «Парус», более всего им любимый, созвучие настроений которого он отметил в дневниковой записи 16 июня 1877 г.: «Я же когда-то очень любил стихотворение Лермонтова “Белеет парус одинокий”» [2, т. XII, с. 27].

Лермонтова и Некрасова роднит не только изображение одного типа романтической личности с присущим ей героизмом и сильным характером, но и сосредоточенность на высших проблемах человека, размышления о мироздании и абсолюте, общие ценностные мотивы — избранничества и бунтарства, странничества, гонимости, вызова обществу. Можно проследить перерастание образов лермонтовского «Журналиста, читателя и писателя» в некрасовского «Поэта и гражданина», развитие образа поэта-пророка, музы. И у Лермонтова, и у Некрасова поэт выступает носителем высших духовных ценностей, но если у Лермонтова поэт — вдохновленный свыше, чуждый толпе и не понимаемый ею, то у Некрасова поэт — выразитель народных дум, носитель правды для выживания, борьбы за существование.

Обращения Некрасова к творческому наследию Лермонтова очевидно уже в юношеской поэзии. Подражание Лермонтову, близость тональности к его стихотворениям и поэзии Дж.Г.Байрона, чтением которого увлекался Некрасов, нашло отражение в первом поэтическом сборнике «Мечты и звуки» (1840). Этот сборник, как указывает Г.Ю.Филипповский, позволяет «пролить свет на подлинные философско-поэтические устои» [6, с. 62-63] Некрасова.

Для сборника «Мечты и звуки» были написаны сатирические стихотворения, направленные на обличение пороков общества — явные пародии на произведения Лермонтова. Принадлежащее Некрасову стихотворение «Прихожу на праздник к чародею» (1850), включённое в повесть А.В.Дружинина «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижника...», является переложением лермонтовского «Выхожу один я на дорогу». В 1855 г. Некрасовым написано стихотворение «Секрет (опыт современной баллады)» — в стихотворении, обрисовывающем образ купца, создана пародия на романтическую балладу Лермонтова «Воздушный корабль». Зрелому Некрасову в обращении к лермонтовским традициям характерна «большая свобода; он использует фактуру стихов Лермонтова, их ритмическое строение и лексико-фразеологические обороты, избегая прямых подражаний» [7, с. 338]. Подобные параллели можно отметить в мелодическом строе стихотворения Некрасова «На Волге» и поэмы «Мцыри», некрасовских «Бури», «Соседки» и лермонтовского «Воздушного корабля». Общим и для Лермонтова и Некрасова оказывается звучание стихотворений — лиричность в любовной лирике и декламативность в гражданской.

В поэзии Лермонтова и в поэзии Некрасова нашла свое выражение «национальная особенность нашей души» [8, с. 436] — поиск чистой Красоты, гармонии Земли и Неба. Обоих поэтов на протяжении всего их творческого пути волновала сущность мирового бытия, и в этой связи знаковым оказывается мотив поисков свободы, покоя, гармонии, абсолюта.

В 1839 году стихотворением «Горы» Некрасов откликнулся на литературную полемику вокруг строки «Висит громада вековая, / Чужая долу и звездам» [9, с. 238] из стихотворения В.Г.Бенедиктова «Горные выси» (1838). В «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» (1838 г., 9 апр., № 15) А.А.Краевский, пытаясь вскрыть философию Бенедиктова, по поводу этой строки дает комментарий: «Горы, возвысьсь над равниной и не достигши небес, остаются чуждыми и долу, и звездам: так и поэт, отделяясь от толпы и презирая земное, никогда вполне не достигает небесного» [10, с. 109]. Не согласившись с этим комментарием и вступив в полемику, Некрасов, продолжая традиции Пушкина и Лермонтова, создает поэтическое описание Эльбруса, показывая неразрывность связи физического и духовного, единение земного и небесного:

Великолепные творенья!
Блистая гордой красотой,
Они вселенной украшенья,
Подпора тверди голубой [4, т. I, с. 215].

Некрасов описывает природу Кавказа — «страны чудесной», сохранившей первозданность и нетронутость, среди «суровой» и «угрюмо-дикой» красоты выделяется «седой исполин» — Эльбрус, созерцание мощи которого рождает философские размышления. Горы для поэта это вечное, неподдающееся власти времени и тлению, это гордое и торжественное существо, возникшее ещё в самом начале мироздания. Великолепие Эльбруса подчеркнуто уже в цветовой символике — «снежная глыба» сияет и «солнце в отблесках узорных / на нем горит, как на стекле» [4, т. I, с. 215].

Возражая А.А.Краевскому, Некрасов подчеркивает, что Эльбрус «не чуждый небу, чужд земле» [2, т. I, с. 215]. В восприятии горного ландшафта близкими Некрасову оказываются лирические размышления Лермонтова, в мировосприятии которого горы являются символом духовной чистоты. В лирической миниатюре «Синие горы Кавказа, приветствую вас» (1832) Лермонтов обращается к горам: «Вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю о вас да о небе» [4, т. I, с. 215]. И.А.Киселева отмечает, что Лермонтова в горах «притягивала их устремленность к небу» [11, с. 109], а сами горы — «символ чистоты и непорочности, особое пространство» [12, с. 68]. Эти наблюдения можно отнести и к особенности мировосприятия Некрасова — на горы поэт смотрит как на нечто связующее между миром земным и миром небесным. Сам процесс созерцания горы передается Некрасовым через сравнение с восприятием ребенка, поэт смотрит на гору детскими глазами, поднятыми к небу в восторженном умилении, будто в молитве:

Я, как ребенок умиленный.
Святой восторг души моей
И удивленья полны взоры
Шлю к тем же грозным высотам —
Чтобы заоблачные горы
Их передали небесам [2, т. I, с. 216].

Через весь сборник Некрасова «Мечты и звуки», в составе которого и было опубликовано стихотворение «Горы», проходит очевидное противопоставление жизни на «многогрешной земле» и жизни в вечной гармонии — «в небесн<ой> Отчизн<е>». Существование в мире материальном оказывается тягостным для лирического героя стихотворений Некрасова. А.А.Яшина отмечает, что «оковы» — это «одна из самых частотных метафор, которые употребляются для описания существования» [13, с. 71] в мире земном. Мотив земного узничества, развитый Некрасовым, находит истоки в художественном мире Лермонтова. Близким для Некрасова оказывается лермонтовский мотив неволи, утративший романтическую патетику, когда узничество воспринимается не только как знак избранничества, но и приобретает реалистичные черты — сопровождает простого человека, лишённого свободы не в метафизическом, а социальном аспекте (стихотворение «Узник»). Земной неволе противопоставлен прорыв к свободе, освобождение от телесных оков, взгляд в небо. И у Лермонтова, и у Некрасова небо — пространство динамическое, движение может происходить по горизонтальной оси (как то мы наблюдаем в стихотворении Лермонтова «Ангел»), и по вертикальной оси. Поэт смотрит вверх, в небо, восклицает: «Хочу лететь, подняться выше!» или «Из мира / Многогрешного парю / В область горнего эфира».

Эквивалентом игры солнечного света на Эльбрусе, сияющей золотом вершины выступает образ храма, также расположенный на горе. В стихотворении «Тишина» (1857) лирический герой, взирая на вершину горы, то есть на небо, видит картину:

Храм Божий на горе мелькнул
И детски-чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул [2, т. I, с. 175].

И Лермонтов, и Некрасов в связи с образом гор затрагивают тему природы и цивилизации. Так, в стихотворении «Спор» (1841) Лермонтов мыслит, что природа в своей первозданной нетронутости уступает цивилизации, разрушительный напор человека, его губительный интерес к промышленности пришел на смену изначально присущей ему свободе и воле. Природная гармония горного пейзажа может быть нарушена действиями человека:

В глубине твоих ущелий
Загремит топор.
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь! [4, т. II, с. 193]

В описании горного пейзажа тишина у Некрасова оказывается в одном ряду с чистотой потока горного воздуха, чистотой цвета снега, чистотой и нетронутостью природы (и здесь очевидна переключка со словами Лермонтова о горной вершине — «воздух чист как молитва ребенка») и ставится в один ряд с такими ценностными категориями, как «покой» и «свобода». Тишина в поэзии Некрасова выступает «контекстуальным синонимом гармонии» [14, с. 141] это выражение идеала, сопоставимого с чудесным, тишина противопоставлена городской суетности, где «нет святых и кротких звуков / нет любви, свободы, тишины» [2, т. III, с. 124], тишина обозначает буквальное отсутствие звука, иногда нарушаемое самой природой:

Лишь изредка, под небосклоном
Наскуча праздностью немой,
Сорвется с грохотом и стоном
Осколок глыбы вековой [2, т. II, с. 215].

Тишина нарушается созданным Некрасовым голосом православия — колокольным звоном, грандиозной в своей силе музыкой, в сравнении с которой меркнут все другие звуки на земле (и здесь снова параллель с Лермонтовым — в стихотворении «Поэт» Лермонтов ассоциирует слово с колокольным звоном, раздающимся «во дни торжеств и бед народных»):

Поднимись! И медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье... [2, т. II, с. 134].

Горный ландшафт у Некрасова выступает идеальным топосом, где стерты пространственные и временные границы, в отличие от замкнутости материального мира. Властвующая здесь тишина незыблема и неподвластна времени, здесь сняты возрастные преграды, мир воспринимается первозданным, подобно ребенку в его непорочности, человек ощущает здесь соприкосновение с гармоничным миром, что приносит по-детски истинную радость (как то у Лермонтова в философском двустишии: «Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему: но дай время / Сделаться мужем, и тесен покажется мир» [4, т. I, с. 71]).

В восприятии горного ландшафта и природы в целом Лермонтова и Некрасова роднит общее понимание ценности души человека и её противопоставление внешнему миру, равнодушному и жестокому, обретение вечности «именно в гармонии природы» [15, с. 136]. Но если у Лермонтова свобода и покой ассоциированы скорее с «образами долинного ландшафта» [11, с. 111], «с зеленью садов» [8, с. 435], то Некрасов находит гармонию и покой в горах, духовное очищение приносит сам процесс созерцания гор:

И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести большой...
Я внял... я детски умилился... [2, т. I, с. 215]

Одно из ведущих мест в творчестве Лермонтова и Некрасова занимает тема Родины, воплощенная в поэтическом изображении России, русской природы, народа, изображении сильного русского характера. Н.Н.Скатов, проследившая образ России в поэзии Некрасова, указывает: «Устремления лермонтовской поэзии последних лет к народности оставались бы разрозненными, если бы не возникло стихотворение, где они возведены в большое обобщение. Это — «Родина». В этом почти посмертном стихотворении как бы намечена новая, так и не осуществлённая самим поэтом творческая программа. Она стала программой для Некрасова» [16, с. 94]. Общее у Лермонтова и Некрасова — создание лирического русского пейзажа:

Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор! [2, т. II, с. 73]

Как и в поэзии Лермонтова, у Некрасова рядом с изображением Родины часто оказывается мотив пути, дорожные впечатления (Так, у Лермонтова: «Просёлочным путём люблю скакать в телеге / И, взором медленным пронзая ночи тень, / Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, / Дрожащие огни печальных деревень» [4, т. II, с. 177]; у Некрасова: «Скучно! скучно!.. Ямщик удалой, / Разгони чем-нибудь мою скуку!» [2, т. I, с. 11]). И всё же, Лермонтов создаёт цельный, масштабный, всеобъемлющий образ Родины, мастерски передавая величественную панораму, в которой выражается единство народа и природы:

Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям... [4, т. II, с. 73]

Чувство любви к Родине и Лермонтов, и Некрасов ассоциируют с народной мощью, способностью народа к сохранению даже в самых тяжелых жизненных ситуациях крепости духа и национального характер, эти представления и составляет духовную опору в исторических прогнозах обоих поэтов. Лермонтов в стихотворении «Родина» новаторски ярко показывает способность народа к преодолению, неисчерпаемость народных сил («Смотреть до полночи готов / На пляску с топаньем и свистом / Под говор пьяных мужичков» [4, т. II, с. 73]). Обозначенная Лермонтовым психологически точно ещё в начале стихотворения «странная любовь» — понимание народа, чувство сопричастности, и определила развитие идеи народолюбия в творчестве Некрасова. Россия у Некрасова более субъективна, народная жизнь прочувствована поэтом, он художественно осмысляет и обрабатывает факты своей жизненной истории:

Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной [2, т. I, с. 45]

Лермонтовское изображение деревенской жизни без романтического преувеличения, особенного подчёркивания привлекательных черт («дрожащие огни печальных деревень» [2, т. II, с. 177]), у Некрасова трансформируется в представление мира обнажённым, анализируемым в его сути. Развивая идеи народности, Некрасов писал: «Я увеличил материал, обрабатывавшийся поэзией, личностями крестьян. Лермонтов, кажется, вышел бы на настоящую дорогу, то есть на мой путь, и, вероятно, с гораздо большим талантом, чем я, но умер рано. Передо мной никогда не изображёнными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда!» [16, с. 100].

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00122 «Текстологическое исследование и комментирование автографов М.Ю.Лермонтова из “Записной книжки В.Ф.Одоевского”».

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 375 с.
2. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1981—2000.
3. Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с.
4. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. Л.: АН СССР, 1954—1958.
5. Киселева И.А. Онтология стихии в художественном мире М.Ю. Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 4. С. 74-78.
6. Филипповский Г.Ю. Молодой Некрасов: аспекты поэтики // Некрасовский сборник. СПб.: Наука, 2008. С. 46-67.
7. Битюгова И.А. Н.А. Некрасов // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1981. С. 338-339.
8. Аношкина-Касаткина В.Н. «Свобода / Покой» // В кн.: М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 436.
9. Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1939. 335 с.
10. Краевский А.А. Рецензия на вторую книгу стихотворений В.Г. Бенедиктова // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838, 9 апр. № 15. С. 109.
11. Киселева И.А. «Тайны природы» в художественном мире М.Ю. Лермонтова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современности. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 109.
12. Киселева И.А. Этика М.Ю. Лермонтова и ее религиозные основания // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 66-72.
13. Яшина А.А. Метафизика смерти в ранней лирике Н.А. Некрасова // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 8. С. 69-75.
14. Мишина Г.В. Концепт «тишина» в творчестве Н.А. Некрасова: воплощение идеи природосообразности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Филологические науки». 2007. № 5(2). С. 137-142.
15. Поташова К.А. Образ «пылающего Везувия» в художественном мире А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, К.П. Брюллова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6(48): В 2 ч. Ч. II. С. 133-137.
16. Скатов Н.Н. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Некрасов. СПб.: Наука, 2001. 426 с.

References

1. Dostoevskiy F.M. Complete works in 30 vols, vol. 26. Leningrad, 1984. 375 p.
2. Nekrasov N.A. Complete works in 15 vols. Saint Petersburg, 1981—2000.
3. Zhuravleva A.I. Lermontov v russkoy literature. Problemy poetiki [Lermontov in Russian literature. Issues of poetics]. Moscow, 2002. 288 p.
4. Lermontov M.Yu. Works in 6 vols. Leningrad, 1954—1958.
5. Kiseleva I.A. Ontologiya stikhii v khudozhestvennom mire M.Yu. Lermontova [Ontology of elements in the artistic world of M.Yu. Lermontov]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seriya: Filosofskie nauki, 2011, no. 4, pp. 74-78.
6. Filippovskiy G.Yu. Molodoy Nekrasov: aspekty poetiki [Young Nekrasov: aspects of poetics]. Nekrasovskiy sbornik. Saint Petersburg, 2008, pp. 46-67.
7. Bitjugova I.A. N.A. Nekrasov [N.A. Nekrasov]. Lermontovskaya ehntsiklopediya. Moscow, 1981, pp. 338-339.
8. Anoshkina-Kasatkina V.N. "Svoboda / Pokoy" ["Freedom / Rest"]. In: M.Yu. Lermontov. Ehntsiklopedicheskiy slovar'. Gl. red. i sost. I.A. Kiseleva. Moscow, 2014, p. 436.
9. Benediktov V.G. Stikhotvoreniya [Verses]. Leningrad, 1939. 335 p.
10. Kraevskiy A.A. Retenziya na vtoruyu knigu stikhotvoreniy V.G. Benediktova [Review of the second book of poems by V.G. Benediktov]. Literaturnye pribavleniya k "Russkomu invalidu", 1838, 9 apr., no. 15, p. 109.
11. Kiseleva I.A. "Tayny prirody" v khudozhestvennom mire M.Yu. Lermontova [Secrets of nature in the artistic world of M.Yu. Lermontov]. Russkiy yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoy kommunikatsii: istoriya i sovremennosti. Moscow, 2015, p. 109.
12. Kiseleva I.A. Ehtika M.Yu. Lermontova i ee religioznye osnovaniya [Ethics of M.Yu. Lermontov and its religious foundations]. Vestnik Pomorskogo universiteta, Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2010, no. 3, pp. 66-72.
13. Yashina A.A. Metafizika smerti v ranney lirike N.A. Nekrasova [Metaphysics of death in the early lyrics of N.A. Nekrasov]. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016, no. 8, pp. 69-75.
14. Mishina G.V. Kontsept "tishina" v tvorchestve N.A. Nekrasova: voploshchenie idei prirodosobraznosti [The concept of silence in the works by N. Nekrasov: the embodiment of the idea conformity to natural laws]. Vestnik Udmurtskogo universiteta, Seriya "Filologicheskie nauki", 2007, no. 5(2), pp. 137-142.
15. Potashova K.A. Obraz "pylayushchego Vezuviya" v khudozhestvennom mire A.S. Pushkina, M.Yu. Lermontova, K.P. Bryullova [The image of eruption of Vesuvius in the artistic world of A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, K.P. Bryullova]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2015, no. 6(48), p. II, pp. 133-137.
16. Skatov N.N. Works in 3 vols, vol. 3: Nekrasov. Saint Petersburg, 2001. 426 p.

Potashova K.A. Lermontov's creativity in perception of N.A. Nekrasov. Nowadays, the personality and creative heritage of N. Nekrasov is on the periphery of literary studies, his poetry is associated with the expression of revolutionary and democratic ideas. The poet is often perceived as a publicist who devoted his life to exposing social evils and creating social slogans. Meanwhile, the Nekrasov topics of repentance, asceticism, and his reflections on the spiritual aspirations of the individual have not been sufficiently explored. All this suggests that there is a need to expand and deepen the approaches to the study of Nekrasov's poetry represented in the study of creative dialogue, revealing spiritual and moral foundations of the poet's values. Nekrasov was deeply interested in the study of Lermontov's heritage. Both poets are alike in the way that they were misunderstood and felt being rejected by society.

Keywords: N. Nekrasov, M. Lermontov, dialogue, nature, mountains, sky.

Сведения об авторе. Ксения Алексеевна Поташова — кандидат филологических наук (специальность 10.01.01 — русская литература), доцент кафедры русской классической литературы факультета русской филологии Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета; kseniaslovo@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.